

Выстрел третьей революции

Для газетной шумихи, как злоба дня, известный выстрел в Кирова, конечно, давно устарел. Но как следственный материал, относящийся к великой тяжбе русского народа с его работодателями, он никогда не устарет, пока продолжается эта тяжба. Тем более, что по своему политическому смыслу это выстрел не из прошлого, а из приближающегося будущего, не из среды людей вчерашнего дня, а из среды людей завтрашнего дня. Это выстрел из среды наших людей, людей грядущей Третьей Революции.

Потому то сталинская верхушка так забеспокоилась тогда и в первое время совсем потеряла голову, что это первый, с большим прицелом, выстрел, раздавшийся не из привычного для нее и известного стана старых людей, а из нового и неизвестного еще стана новых людей, стана новой формирующейся интеллигенции, новой молодежи.

И потому, что это выстрел не из прошлого, а из будущего, обще-политическое его значение в дальнейшем будет лишь возрастать, т. к. мы идем навстречу тому, что он собою предвосхищает — появление на политической арене борьбы России **новой третьей силы.**

Во внутрироссийских массах этот выстрел был окрещен, как выстрел «третьей революции», что отмечено тогда было и в зарубежной русской печати. И, действительно, в этом выстреле ничего не было от контр-революции, а, наоборот, он сигнализировал собою появление сил новой грядущей революции.

Общие, объективные предпосылки для такого, именно, исхода из современного положения России, исхода на путях новой Третьей Революции, а не контр-революции — ясны и легко защитимы.

Массы движутся отрицательными мотивами. К новому они идут путем отталкивания от старого. И лишь через посредство того, чего они **не** хотят, они приходят к осознанию того, чего хотят. Но современные внутрироссийские массы не хотят ни того, что было до революции, ни Первой, дореволюционной России — об этом свидетельствует сама революция, сделанная ими, ни того, что есть, — Второй революционно-большевистской России: об этом говорят все прямые и косвенные свидетельства и данные, почерпаемые из современной действительности. Следовательно, по логике исключения, они должны стремиться к тому, что не является ни прошлым, ни настоящим, ни Первой, ни Второй Россией. А такое стремление необходимо ставит их на путь Третьей Революции, как путь ведущий к Третьей России.

Почему же, однако, несмотря на наличие этих объективных предпосылок, данных в самой советской действительности, до сих пор не произошел такого рода переворот? — Потому что, говоря языком марксистов-революционеров, отсутствовал **субъективный** момент, необходимый для реализации наличной объективной революционной ситуации. До последнего времени совершался еще процесс дезорганизации **старых** политических сил. И переворот последних означал бы лишь контр-революцию. А контр-революция никогда не может рассчитывать на успех, если она не совершается в превентивном порядке. Вновь завоевать власть труднее, чем удержать ее. И если известные общественные группы не в состоянии были ее удержать, то завоевать вновь ее у них нет шансов и подавно. Режимы не воскресают, а там, где они появляются вновь, оказываются обычно лишь призраками.

Так было до последнего времени. Но сейчас сложились уже **новые** социально-политические силы, родилась новая интеллигенция — мозг и душа всякого общества и народа. Этим новым силам в условиях сталинской деспотии становится тесно

жить. И они рвутся на свободу, — к новым общественным и политическим формам жизни.

Следовательно, в данное время налицо уже не только объективная революционная ситуация, которая в условиях советской действительности всегда присутствовала, но появился и субъективный носитель ее возможной реализации. Выступление Николаева — одно из первых и громких заявлений о себе этой новой силы. То, что он вышел из кружка молодежи, только подчеркивает его значение выразителя новых сил. Как раз это обстоятельство лишний раз бьет по той версии, которой сталинцы пытались обезвредить психологический эффект террористического акта, что он, якобы, представитель старых правозащитно-коммунистических кругов. Задачи последних должны бы выпадать, как раз именно, «стариками», старой «большевицкой гвардией». Но мы видели, как безропотно эта «старая гвардия» «самораспустилась» в лице прекративших свое существование общества бывших каторжан и общества старых большевиков. Последнее Сталин для того и сделал и потому он так легко это сделал, что нужно было выбросить кость бунтующей молодежи.

По самой марксистской теории классовой борьбы новая «пролетарская» власть должна базироваться на новом классе, следовательно, на господстве этого класса над другими, ибо, как учит эта теория, где нет господства одного класса над другим, там не может быть и власти. Таким образом, сама марксистская доктрина предполагает, что теперешняя власть может существовать, лишь угнетая какие то общественные группы. Но реально таких общественных групп, групп буржуазного характера, в сколько нибудь значительных размерах, после коллективизации деревни, после обобществления почти всей промышленности и торговли, — почти не осталось. Наоборот, на их месте выросли новые общественные группы, которые не только не хотят быть объектом, но хотят быть субъектом власти. Тем самым, теперешняя власть сама, в духе собственной доктрины, лишилась того социального базиса своего господства, при котором она только и могла существовать. Сейчас есть главным образом «господствующие», а не «угнетенные» группы, при-

вилегированные, а не «эксплоатируемые». При такой же, радикально изменившейся ситуации, не нужна и прежняя власть, прежняя диктатура, политически оформлявшая такие отношения господства — подчинения. Подавляющее большинство населения фактически уравнено в своем социальном «господствующем» положении. И власть, как должно бы быть по Марксу же, остается теперь как ненужный инструмент угнетения, не имеющий для этого уже соответствующего объекта. Если же это так, а тут это действительно совсем выходит по Марксу, то массам остается лишь убрать этот инструмент, который теперь не только больше не нужен, но и им самим, «господствующим», не дает жить, превращая их на деле в холопов наихудшего рабства.

Третья Революция и должна, прежде всего, убрать этот инструмент рабства и утвердить весь народ в свободном объединении для Общего Дела преобразования мира.

Н. Качалов.